

музы наших друзей

СИМФОНИЯ В 11 ЛЕТ

■ Можно было бы немного заинтриговать читателя, начав, к примеру, с описания долгих, по-особому благожелательных аплодисментов, которыми завершился авторский концерт с варненским симфоническим оркестром пианиста Эмила Наумова. Затем сказать о смелости и легкости его исполнительского почерка, о зазорной, в чем-то дерзкой манере игры на рояле, о подкупающем чувстве достоинства, с каким он держится на сцене. О зрелом, наконец, умении слиться в неразрывное целое и с оркестром, и с дирижером. А все для того, чтобы затем огоршить читателя фактом, что этому уже известному и в Софии, и в Париже музыканту всего одиннадцать лет.

Но я умеряю свой журналистский пыл, ибо на днях сами читатели получат возможность оценить искусство Эмила. Третьего сентября на торжественном гала-концерте в Кремлевском Дворце съездов, открывающем дни болгарской культуры и искусства в СССР, Эмил Наумов предстанет перед шеститысячным залом и миллионами телезрителей и как пианист, и как композитор, и как симпатичный, совершенно обыкновенный мальчуган, лишенный каких бы то ни было вундеркиндских отметин.

Я познакомился с ним месяц назад в Варне, после репетиции его концерта в уютном городском театре. Он поклонился оркестру, потом пустому в этот репетиционный час партеру, пожал руку первой скрипке и дирижеру и, тряхнув вихром смоляных волос, быстро прошел за кулисы, никак не ожидая, что тут же придется давать интервью. Перебросившись несколькими фразами, мы быстро пришли к согласию, что спрашивать я буду по-русски, он отвечать — на болгарском.

В яркой оранжевой рубашке и коротких штанишках он сел рядом на кресло и, серьезно взглянув на меня, сказал:

— Я очень рад, что вам понравилось, как играл оркестр.

— А тебе понравилось?

— Да, они играли замечательно, так красиво и понятно.

— Что больше понравилось: музыка или звучание оркестра?

— Вы шутите, — смеется Эмил. — Ведь это музыка моя. Конечно, она мне нравится. А музыканты сыграли ее так, как я слышал и сочинял.

— Ты пишешь сразу для оркестра или потом аранжируешь фортепианную мелодию?

— Конечно, сразу для оркестра — так, как слышу музыку.

— Она для тебя звучит повсюду?

— О, конечно! Весь мир состоит из музыки. Я часто представляю себе, как поют цветы, деревья.

— А о чем ты рассказываешь в «Концерте для фортепьяно с оркестром»? И почему он еще называется «Картины моего деда»?

— Мой дедушка, Владимир Наумов, был художник, ему нравилось рисовать деревенских людей. Я люблю эти картины и, глядя на них, сочинил музыку. Помните там такое место? — напевает Эмил мелодию. — Так это про двух стариков, которые сидят в трактире. Но они пришли сюда не для того, чтобы выпить вина, а чтобы поговорить. Их дети на войне, и старики очень скучают. А это место, — снова напевает он, — про бабушку, которая вяжет внуку носки и еще не знает, что он, партизан, уже погиб в горах. Дедушка был очень хороший художник, но я его совсем

не знаю. Он рано умер, а портреты остались.

Я уже слышал, что в семье Эмила не было музыкантов, правда, композиторы — двоюродные братья отца, а сам отец — врач. Сейчас он работает в болгарском посольстве в Париже. Эмил потянулся к музыке, едва научился ходить и говорить. Его первым педагогом была Елена Панайотова, потом Эмил учился в софийском музыкальном училище у Воскресина Выханова, брал уроки у пианиста Константина Станкевича, а сейчас, живя с родителями в Париже, занимается на втором курсе консерватории у известного педагога Надежды Несторовны Буланже.

— С Надеждой Буланже очень интересно заниматься, — рассказывает Эмил. — Она по рождению русская и очень дружила со Стравинским. Каждую среду дома она устраивает лекции и концерты, посвященные Стравинскому. В ее доме я познакомился с Арамом Хачатуряном и играл для него.

— Ему понравилось? Эмил смущенно покачивает головой из стороны в сторону. По-болгарски это означает, что да.

— А какая музыка нравится тебе?

— У каждого композитора есть много хорошего. Я хочу учиться у всех. Из классиков очень нравится Бах. Из современных — Стравинский, Прокофьев, Шостакович, Хачатурян.

— Что приятней тебе самому: сочинять музыку, играть ее или заниматься за роялем?

— Мне все нравится в музыке, когда интересно.

— А когда нет музыки, что ты делаешь?

— Читаю книжки, журналы, играю со своими машинками — у меня большая коллекция маленьких автомобильчиков.

— Что сочиняешь сейчас?

— Сейчас ничего. Я ведь специально не сочиняю. Вдруг услышу музыку и тогда ее запишу.

Так «вдруг» сочинил он «Картины моего деда», «Концерт для фортепьяно, струнных и четырех литавр», за который удостоился первой премии Парижской консерватории по композиции, несколько фортепианных пьес.

Его наставник, известный дирижер Иван Маринов, помогавший Эмилу оркестровать «Картины» и продиржировавший это сочинение, говорит с присущей ему определенностью:

— Эмил — никакое не чудо. В мире музыки немало «юных гениев». Я на него смотрю совсем по-другому. Он музыкант. Такой, каков он сегодня. Забудьте о возрасте. Для музыки его не существует. Музыка, она или есть, или ее нет. У Эмила она есть. Ему еще учиться, набираться опыта. Все это впереди. И тогда он, наверно, будет другим. Каким? Не знаю. Но знаю, что он останется музыкантом. Вот почему, работая с ним, нисколько не умиляюсь. Его серьезность заставляет быть серьезными и других.

Одиннадцатилетний музыкант поудобнее прилаживает дощечку на стуле, чтобы было сподручнее играть, замирает на секунду и, поймав взмах дирижерской палочки, опускает пальцы на клавиши. Чтобы возродить для нас картины мира, живущие в нем.

Ал. АВДЕЕНКО,
спец. корр. «Недели».

ВАРНА.

Фото С. Лефеджиева.